

Владимир Положенцев Золото Уды

Поиски пропавших сокровищ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

Без доставки 5,50, с доставкой 6,25, с доставкой по почте 6,50, с доставкой по почте 7 р. 10 к.

При этом X прилагается Сборник „Нивы“ за декабрь, содержащий „Полное собрание сочинений И. В. Гоголя“, томъ XII.

Владимир Николаевич Положенцев

Золото Уды. Поиски пропавших сокровищ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711472

ISBN 9785005082480

Аннотация

По одной из легенд, в предгорьях Восточного Саяна, в пещерах вдоль реки Уда, во время Гражданской войны отступающей Белой армией или белочехами была спрятана часть золотого запаса России, больше известного как золото Колчака. Прошло много лет, а тайна исчезнувшего золота до сих пор будоражит умы как профессиональных исследователей, так и обычных граждан...

Содержание

Часть I	5
Заманчивое предложение	5
Телеграмма из прошлого	12
Племянница олигарха	28
Зоркий сокол	41
В Сибири	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Золото Уды
Поиски пропавших
сокровищ

Владимир Николаевич
Положенцев

© Владимир Николаевич Положенцев, 2019

ISBN 978-5-0050-8248-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Заманчивое предложение

Июньским туманным утром, во дворе дома?10, что по энскому проезду, появилось написанное от руки объявление. Феликса привлекло, что именно от руки, ведь в нынешнее время они обычно печатаются на компьютере. Видно, старики что-то продают, решил он. А задержав взгляд, увидел что к «купи-продай» объявление отношения не имеет. Там красивым, размашистым почерком, фиолетовыми чернилами было написано, что в археологическую экспедицию в Восточный Саян требуются активные, молодые, здоровые, интересующиеся историей помощники. Оплата по установленным расценкам. И подпись: " З. З. Завирухин». Кто такой этот чудак Завирухин? – подумал Феликс.– Даже своих координат не оставил. Непонятно куда и к кому обращаться.

Бабочкин на днях сдал последние экзамены в Медицинском университете и теперь до сентября был свободен. Практика после второго курса Лечебного факультета была не обязательной и он решил где-нибудь подработать. Родители, конечно, помогали, например, с оплатой однушки, но кормил Феликс себя сам – дежурил ночным санитаром в больницах, лаборантом в диагностических центрах, но теперь хотелось

отдохнуть от медицины. И объявление его заинтересовало. Так кто этот Завирухин и где его искать?

Словно услышав его мысли, за спиной раздался голос:

– Завируха помощников набирает, знать, серьезную кашу заваривает.

Феликс оглянулся. Сзади стоял с папиросой в зубах, небритый, с помятым лицом, но в иссиня-белом фартуке дворник Ерёма. Его знала вся округа. Он единственный славянин, что сохранился в местном дворницком сообществе. Лет ему было не меньше 65-ти, а сколько он работал во дворе, говорил, что не помнит. Во всяком случае, когда несколько лет назад Феликс снял здесь квартиру, первым с кем он познакомился во дворе, был Ерёма. Он так активно мел дорожку, что не заметив Бабочкина, маханул на него кучу окурков. А увидев его, бросился извиняться, отряхивать Феликсу брюки. Так и познакомились. Ерёма, как он представился, пригласил его в дворницкую «посмотреть белку». Дворницкая всегда была отворена настежь и из нее распространялся чисто дворницкий аромат: нафталина, ванили и сгнивших овощей. Заходить туда не хотелось, но Феликс все же перешагнул порог смрадного «чертога». Белка оказалась действительно забавной – юркой, пушистой, с большими цепкими и целеустремленными глазками. Она бешено вращала колесо, видимо, не оставляя попыток из него выбраться, на мгновение замирала, а потом продолжала свой бессмысленный бег. «Вот, – сказал Ерёма, – моя единствен-

ная подружка по жизни». «Как зовут? – поинтересовался Бабочкин». «А кто её знает, – зевнул дворник. – Она мне от татарина Азата досталась. Весь день носится, а потом жрать просит. А чем кормить? Не очень-то на мою зарплату пожируешь». Теперь Феликс понял для чего Ерёма пригласил его в дворницкую. Хотел сказать, что у него самого стипендия грошовая, но прикусил язык. На днях он неплохо подработал в одном диагностическом центре. Там заболел врач – терапевт и он несколько дней его заменял. Белку ему стало очень жаль и он протянул Ерёме тысячу рублей. От такой щедрости дворник даже присел, спрятал деньги под всегда чистый, белый фартук и, не попрощавшись, куда-то побежал. Феликс вспомнил дворника из «Двенадцати стульев» и расхохотался так, что белка замерла. Уже на углу, под аркой Ерёма остановился. «За кедровыми орешками!» – крикнул он. Неизвестно купил ли дворник белке орехов, но несколько дней Феликс его не видел. Теперь Ерёма топтался за его спиной.

– Кто такой Завируха? – спросил Феликс.

– Как, Завируху не знаешь? А еще на медика учишься.

Профессор из желтого дома.

Желтым домом местные называли сталинскую пятиэтажку, примыкавшую к десятиэтажному дому?10 и с которым они образовывали единый двор. Дом имел высокую арку, внутри которой был вход в пекарню. Сама булочная находилась на проезде. Из пекарни всегда разносился такой чудный хлебный аромат, что жители двух домов предпочитали

выходить на проспект именно через эту арку, хотя с другой стороны путь был короче. Вдыхать чудесные ржаные и пшеничные запахи любил и Феликс, потому и оказался теперь возле арки.

– Хороший человек, только фамилия странная. Всегда поздоровается, о здоровье спросит, но чудной, – продолжал дворник, вытирая красные, натруженные руки о край накрахмаленного фартука. Белка была не единственной его родственной душой. Говорили, что Ерёма сошелся с какой-то старушкой из четвертого подъезда, она ему и настирывает фартуки.

– Почему же чудной?

– А как не чудной, когда все время трезвый, а выпивает лишь пару раз в году. Но сильно. Погуляет, а потом на лавочке возле подъезда спит. Я его даже зимой со скамейки снимал, до квартиры на себе тащил. Одинокий, но шибко умный. Как начнет говорить про политику, хоть беги. Того и гляди вместе с ним посадят.

В этот момент дверь подъезда желтого дома распахнулась и из нее вышел невысокий, полный, светловолосый, с проседью на висках человек.

– Легок на помине, – выдохнул Ерёма. – Доброе утречко, Захар Захарович.

– Здравствуй, Еремей, – кивнул мужчина. Его синие, широко открытые глаза были явно удивлены неожиданной встречей у подъезда.

– Вот читаем ваше объявление, – сказал дворник. – Нарушаете. Не положено развешивать бумажки где попало, за то с нас строго спрашивают. Для того газеты существуют и интернет.

Человек, которого Ерёма назвал Захаром Захаровичем, был похож на Деда Мороза – большой, ноздреватый нос, несколько печальные, добрые глаза.

Ученый по-простому почесал ладонью нос, помял сдобный, чисто выбритый подбородок:

– Извини, Ерёмушка. Через газеты и сеть не угадаешь кто придет, отбивайся потом от кота в мешке.

– Что, своих студентов для экспедиции не хватает?

– Свои двоечники надоели. Ха-ха. Шучу, всего одно место осталось, девушка из группы классической археологии внезапно заболела, остальные студенты уже по другим экспедициям расписаны. А в нашем дворе много хорошей молодежи.

– На митинги запрещенные ходят, – посетовал дворник.

– Ну что ж, на то она и молодежь, чтобы бунтовать.

– Удивлен вашими словами, но не очень. Все вы ученые, того. Куда ж к вам придут, когда вы, Захар Захарович, даже телефона своего не оставили.

– Потому и вышел теперь, что вспомнил о своей оплошности.

Профессор достал шариковую ручку, стал приписывать к бумажке цифры.

– А меня возьмете? – спросил Бабочкин.

Опустив руку, так и не дописав номера телефона, Завирухин взглянул на Феликса. Прищурился, будто так у него включался внутренний рентген. Оглядел медика с ног до головы, отчего Бабочкину стало не по себе. Уж не гей ли профессор, а то, по его же выражению, отбивайся потом.

Профессор вдруг схватил руку Феликса, крепко пожал ее, представился. Оказалось, что Завирухин заведующий кафедрой археологии каменного и бронзового веков Московского археологического института. Пояснил, что вообще-то кафедры каменного и бронзового веков всегда были разные, но из-за сокращения штата, пришлось их объединить, а возглавить «сплав» проучили ему.

Представился и Феликс. Узнав, что Бабочкин медик, профессор воскликнул на весь двор:

– Вот это повезло! Свой врач – это, знаете ли, то, что надо в экспедиции. У одного живот пучит, у другого голова болит, у третьего психологический срыв. А до ближайшей поликлиники, как правило, семь верст до небес. Прошу ко мне в квартиру.

– Зачем? – удивился Феликс. Он снова заподозрил в археологе нетрадиционную ориентацию. Ну да, ляжки широкие, бабьи, стопы в четвертой балетной позиции. И глаза какие-то настырные. А еще нос картошкой, с родинкой у правой ноздри.

При чем здесь нос и родинка, Бабочкин ответить себе

не успел. Профессор взял его за отворот ветровки:

– Трудовой договор на полтора месяца подпишем. Я схватил несколько бланков из института. Потом завизирую у директора и отдам в канцелярию. Или вы желаете без договора?

– Нет, то есть, да, с договором.

– Ну вот видите. Милости просим в мое холостяцкое жилище.

Феликса опять насторожили слова профессора, но он быстро отогнал от себя неприятные мысли.

Телеграмма из прошлого

Квартира профессора оказалась жутко захламленной. В коридоре по углам и вдоль стен стояли коробки, доверху набитые старой обувью, тряпьем. У вешалки с заляпанным зеркалом, еле державшей кучу зимней одежды- доисторическая детская коляска тоже с каким-то хламом, у дальней двери – самокат без одного колеса. Вероятно, на нем в пионерской юности, подумал Феликс, рассекал по двору Захарка Завирухин.

Однако кабинет археолога оказался, как ни странно, очень чистым и аккуратным. Он был проходным-одна дверь вела в коридор, другая в соседнюю комнату. У стены стоял массивный письменный стол с кривыми ножками и столешницей, обтянутый посередине зеленой тканью. На нем- медная стильная лампа, декоративная чугунная чернильница и множество разноцветных карандашей в алюминиевом стаканчике возле открытого ноутбука. На стенах- современные постеры с птичками и стрекозами. По обеим сторонам окна – два больших стеллажа с каменными скребками, наконечниками стрел, прочими археологическими находками. Среди них- верхняя часть человеческого черепа с неровной дырой во лбу. Длинные, кривые зубы челюсти были, как ни странно, почти все на месте.

– Настоящий? -спросил Бабочкин, когда уселся в мягкое,

широкое кресло напротив стола археолога.

На этот вопрос профессор только хмыкнул, начал рыться в ящике. Достал какой-то камушек, похожий на долото.

– Вот этот пробойник мы нашли в прошлую экспедицию в башкирской Каповой пещере. Это единственная в нашей стране пещера, где обнаружены рисунки людей палеолита, то есть раннего каменного века. Им, видимо, и продырявили череп этого человека, причем других его костей мы там не нашли. А череп, вернее, верхняя его часть, сохранился хорошо, даже очень хорошо. Он лежал в слое пыли возле древнего костровища. Возможно, это был пленник из другого племени, которого съели, а кости бросили собакам. Черепа людоеды, видимо, хранили как символы своей победы. Судя по поврежденным глазницам, дикари еще у живого пленника вырезали глаза и съели, чтобы, как они считали, лучше видеть добычу на охоте.

От этих подробностей Феликс поежился. «Бедный Ёрик», – мысленно вздохнул он.

– В этом году мы отправляемся в удивительные Нижнеудинские пещеры. Их две- Большая и Малая. Еще в 1875 году профессором Иваном Дементьевичем Черским там были обнаружены останки ископаемого пещерного медведя, длинношерстного носорога, мамонтов. На их костях были повреждения, нанесенные человеком древнекаменного века. То есть еще более ранние, чем в Башкирии. Вы понимаете, молодой человек, что это значит для науки и какие перспекти-

вы открываются для нас в этом сезоне?

Глаза ученого вспыхнули сверхярким, безумном светом. Уж не псих ли? - испугался Феликс. – Какой нормальный профессор будет искать на улице людей для своей экспедиции? Впрочем, дворник прав, ученые все того... Бабочкин прекрасно знал это по своему институту.

Вдруг задергался смартфон на столе. Заиграла мелодия из «Метели» композитора Георгия Свиридова. Профессор взглянул на экран, сделал глубокий вдох, потом еще один, часто заморгал, что-то прошептал.

– Здравствуйте, Борис Аркадьевич. – Завирухин расплылся в искусственной улыбке. – Да, группа из 20 человек готова. Сегодня вот даже доктора нашел, приятный и сразу видно, очень опытный медик.

Феликс зарделся, опустил глаза.

– Обещать, Борис Аркадьевич, ничего не могу. Я и так ректора едва уговорил на эту экспедицию. Вы уговорили? Ах, ну да, вы, конечно. Пещеры под Уфой в прошлом году проверили досконально. Пусто. После предоставленной вами телеграммы, сомнений почти нет – это Восточный Саян, Нижнеудинск. Александр Васильевич имел несколько дней, чтобы ими воспользоваться. Чехи, кстати, тоже. Не могли же бесследно исчезнуть десятки тонн.

Завирухин взглянул на Бабочкина и словно только теперь его заметил. Прикрыл рукой телефон, быстро вышел в коридор. Сначала оттуда еще раздавалась его непонятная Фелик-

су речь, потом все стихло. Видно, профессор зашел на кухню или какую-нибудь комнату.

О чем это профессор? – гадал Феликс.– Кто такой этот Александр Васильевич, который смог воспользоваться несколькими днями? И при чем здесь чехи?

Археолог долго не возвращался. Феликс принялся разглядывать коллекцию археологических находок у окна. Бросил взгляд на открытый ноутбук. На экране висел текст, написанный от руки, причем с ятями. Подошел ближе. С удивлением прочитал:

«Его высокопревосходительству, Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России Антону Ивановичу Деникину. Уважаемый Антон Иванович! В виду сложившейся непростой ситуации на нашей Российской Восточной Окраине и в целом на российских фронтах, предлагаю вам принять на себя Верховную всероссийскую власть Верховного правителя России. До получения ваших указаний, в целях сохранения оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией, предоставляю всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Восточной Окраины генерал-лейтенанту Григорию Михайловичу Семенову. Главнокомандующим Восточным фронтом назначаю генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля. Соответствующий указ я уже подписал. Дополнительно сообщаю: предавшие меня союзники, приказали передать золотой запас России чехам. Однако часть его мне удалось сохранить.

Карта с указанием точного местонахождения тайника, будет находиться в пещере к югу от Нижнеудинска. Надеюсь, золото пойдет на благое дело- на решительную борьбу с большевиками, в победе над которыми, я не сомневаюсь. С нами Бог и провидение. Ваш друг и соратник Александр Васильевич Колчак. 4 января 1920 года».

Ничего себе документик, подумал Феликс, вот почему экспедиция в Восточный Саян. Профессор и тот кто представил ему эту телеграмму, на золото Колчака нацелились.

В этом момент дверь в коридор открылась. Феликс жутко смутился – как нехорошо-то получилось. Профессор медленно двигался на Бабочкина. Куда только делось его дед-морозовское добродушие. Он наступал хищным доисторическим ящером, готовым броситься на своего обидчика. Феликс попятился, споткнувшись, плюхнулся в кресло, где сидел. Над ним навис археолог. Телефон он держал в руке словно камень.

«Сейчас треснет и пластическая операция не поможет». Медик зажмурился.

Но бить его профессор не стал.

– Ай, ай, как нехорошо заглядывать в чужие ноутбуки, – сказал он.

Феликс открыл глаза. Лицо археолога вновь было краснодушным.– Конечно, сообразили для чего мы едем в Восточный Саян. Что же мне теперь с вами делать?

– Ничего не делать. – Феликс сглотнул тяжелую слюну. –

Я никому не скажу, вернее, мне тоже интересно знать, куда делось золото Колчака. А письмо Александра Васильевича настоящее? Откуда оно у вас?

– Какой вы любопытный, столько вопросов и все сразу. Вам бы не в медицину идти, молодой человек, а в ФСБ. Там все такие въедливые. Имел счастье, так сказать, с ними познакомиться после одного из неофициальных мероприятий.

Профессор потрогал челюсть, помял затылок, вздохнул:

– Ладно, чего уж теперь. Сам виноват, что ноутбук открытым оставил. Забыл, что люди любопытны до чужих секретов. Впрочем, все одно бы равно рано или поздно для вас всё открылось. Лучше работать с единомышленниками, чем с наемными рабочими.

В кабинет из двери в соседнюю комнату вошла маленькая, сухая, с трясущейся головой бабуля. На ее седой голове была свежая завивка, в ушах болтались серьги в виде тяжелых золотых капель. Она жевала накрашенными ярко-красной помадой губами. Подобные экзальтированные старушки обычно являются завсегдатаями драматических театров с пыльным репертуаром.

– Захар, зачем вы приводите в дом не пойми кого?

От этого вопроса Феликсу стало не по себе. Вроде, прилично одет, гладко выбрит, пахнет французским одеколоном от Фрагонара.

– Не устраивайте из моей квартиры проходного двора, Захар. Приходят, а потом воруют.

– Что вы, мама, – смутился профессор. – Это приличный молодой человек, доктор. Будущий доктор. Познакомьтесь. Впрочем...

Завирухин приобнял старуху за спичечные плечи, выпроводил из кабинета. Уже за дверью она громко сказала:

– В три шеи. Слышали, что я сказала, Захар? Гоните в три шеи.

Вернувшийся профессор развел руками:

– Вы уж не обижайтесь на мою тещу. Аделаиде Петровне всюду видятся воры. Возраст, деменция. После того как Настя нас покинула, моя жена, у нее совсем нервы сдали. Ничего не поделаешь, еще неизвестно что с нами будет. Да, что касается Александра Васильевича Колчака.

Профессор рассказал, что к началу Первой мировой войны золотой запас России был самым большим в мире и составлял 1311 тонн золота в слитках, самородках Горного института, монетах. Плюс серебро, платина, ювелирные изделия. Это приблизительно 1 миллиард 695 миллионов рублей. По нынешнему курсу где-то 50 миллиардов долларов. Часть золота во время войны ушла в Англию в качестве военных кредитов для покупки вооружения. В 1915 году запас был перевезен подальше от фронта – в Казань и Нижний. Когда грянул Февраль, в Казань переправили золото из многих городов России. После Октябрьского переворота большевики захватили в Казани более 500 тонн золота, платины и серебра. Летом 1918 года Казань отбил у большевиков, тогда еще

полковник Каппель.

Говорил это Завирухин, расхаживая по кабинету, заложив руки за спину. Он вероятно чувствовал себя на лекции, только слушал его теперь всего один студент. Правда, его это ничуть не смущало. Ему почему-то приглянулся этот молодой медик с редким ныне именем – Феликс. Было в нём что-то непосредственное и в то же время крепкое, стержневое, надежное. На него можно положиться, решил он. Бабочкин, вероятно бы, очень удивился такой его оценки. Он самокритично относился к себе и считал себя неуравновешенной, непоследовательной, слишком увлекающейся и легковерной личностью.

Подойдя к рабочему столу, профессор нажал несколько клавиш на ноутбуке, надел очки.

– Вот телеграмма полковника Владимира Каппеля чехословацкому генералу Станиславу Чечеку. «Трофеи не поддаются подсчету, захвачен золотой запас России в 650 миллионов золотом, 750 ящиков серебра, 100 миллионов рублей кредитными знаками». Если переводить на вес- это 505 тонн драгметаллов.

Сняв очки, профессор взглянул на медика. В глазах Захара Захаровича пылала алчность. Понимает ли юнец, сколько это?

– А почему Каппель отчитывался перед чехом? – спросил Феликс.

– Хороший вопрос. Мятеж чехословацкого корпуса вес-

ной 1918 года помог ликвидировать белым советскую власть в Поволжье, Урале, Сибири, Дальнем Востоке. Благодаря чехам было создано Временное Сибирское правительство, началось широкомасштабное наступление на большевиков. Чехов нужно было на что-то содержать, кормить их, давать им деньги. Вот Каппель и вынужден был отчитывался перед ними. Кстати, чешский корпус, сформированный в основном из пленных австро-венгерской армии, формально подчинялся французскому командованию. Как покажет время, верить им ни при каких обстоятельствах было нельзя.

Далее профессор рассказал, что Каппель отправил золото в Самару, где было сформировано первое антибольшевистское правительство. Называлось оно – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания или КОМУЧ.

– Но и там золотой запас оставлять было опасно, положение на фронтах менялось чуть ли не каждый день. Ценности отправили в Уфу. Причем, под охраной чехов. В Уфе вагоны простояли полторы недели и позже, когда пересчитали золото, якобы выяснилось, что часть его пропала. По одной из версий, белочехи спрятали его в одной из многочисленных Башкирских пещер, в частности, в Шульган -Таше, на южном склоне горы Сарыкускан, на правом берегу реки Агидель. Пещера еще называется Каповой. В ней мы и работали в прошлом году.

– И ничего не нашли, – ухмыльнулся Феликс.

– Да, не нашли.– Профессору не понравилась эта ухмыл-

ка. Ишь какой- «не нашли». Археология – это не только находки, а главным образом теоретическая наука -, изучение, анализ, сопоставление исторических фактов. – Но мы сделали немало археологических и палеонтологических открытий. Пещера была храмом наших предков. По изображениям животных, которым позавидуют многие современные художники, они стреляли настоящими стрелами, чтобы предстоящая охота была удачной.

– Очень интересно.

– Я слышу в вашем голосе, молодой человек, иронию. Вы, кажется, куда-то шли этим туманным утром? Вот и идите.

На добром лице профессора появилась детская обида. Он так скривил губы, что казалось, сейчас заплачет. Феликсу стало жалко археолога, но он попытался вспомнить куда действительно собирался в такую рань. Ах, да, на Полежаевской сегодня выездной терапевтический пункт. Всем желающим будут мерить давление, делать УЗИ, проверять кровь на сахар. Туда требовался лаборант, обещали что-то заплатить. Но теперь он уже, кажется, опоздал. Машинально взглянул на наручные часы, что еще больше взбесило археолога. Он поднялся.

– Надеюсь, дверь в прихожей откроете сами. До свидания. Феликс не тронулся с места.

– Захар Захарович, – сказал он как можно мягче. – Я не хотел вас обидеть своей глупой ухмылкой. Она у меня с детства такая. И физиономия соответствующая. Извините. Мне

очень интересен ваш рассказ, я горю желанием поучаствовать в вашей экспедиции.

– Горит он, – проворчал профессор. – Следить надо за своей, как вы выразились, физиономией, молодой человек. Скверную оставлять дома на вешалке, а с собой брать приличную. Да, да, у всех у нас их несколько.

И вдруг заулыбался. Вся обида мгновенно слетела с него, как покрывало с дачного стола от сильного ветра. Такое сравнение сделал Бабочкин, вспомнив о том, что давно не навещал родителей на волжской даче под Кимрами. Всё же чудак этот профессор Завирухин. Хотя, каким еще может быть фанатичный ученый? И, видимо, алчный. Зачем ему золото Колчака? Деньги и слава, вот что им правит.

Его мысли, словно уловил археолог.

– Разгадать тайну золота Колчака- это стереть белое пятно в книге истории. Это как доказать... ну не знаю, гипотезу Римана. Была же решена задача Анри Пуанкаре нашим Григорием Перельманом.

Значит, в первую очередь слава, – решил для себя Бабочкин. – Что ж, стать первым среди равных- естественное желание индивидуума. Двигатель эволюции. – Вспомнил он лекцию по психологии человека.

– Так вот, – с энтузиазмом продолжал профессор. – В конце ноября 1918 года золотой запас прибыл в Омск и поступил в распоряжение адмирала Колчака. Ценности поместили в омский филиал Госбанка. По одним данным это бы-

ли все 505 тонн, по другим- 480. То есть 25 тонн пропало по дороге из Казани. Через год ситуация на фронте сложилась не в пользу белых. В Омске хранить золото стало опасно. Колчак распорядился отправить его дальше на восток, в Иркутск. Транссибирскую магистраль от Новосибирска до Иркутска тогда полностью контролировали чехи. Но с ними в последнее время у Колчака, не ладилось. Отношения обострились после того, как адмирал, прославившийся своим крутым и беспощадным нравом, разогнал в ноябре 1918 года эсеровское Временное Всероссийское правительство и принял на себя верховную единоличную власть. Меня называют диктатором, – говорил он. Я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным правителем.

Профессор замолчал, словно ожидая оваций за свои глубокие исторические познания. Аплодисментов не последовало, но Феликс отметил, что Завирухин не плохо подготовился к предстоящей экспедиции. Впрочем, видно он уже раньше изучил биографию Колчака, раз в прошлом году работал со своими студентами в Каповой пещере.

– Чехи, стремившиеся вернуться через Дальний Восток

на родину, посчитали его диктатуру угрозой для себя, – продолжал археолог. – Итак, осенью 1919 года, а именно 31 октября золото погрузили в 40 вагонов и под усиленной охраной отправили в Иркутск. Ехал в поезде и Колчак. Однако 27 декабря состав задержали на станции Нижнеудинск. Здесь Александр Васильевич просидел 2 недели и только в январе состав двинулся дальше. 15 января поезд прибыл в Иркутск. Представители Антанты предложили Колчаку сложить с себя полномочия Верховного правителя, так как на этом якобы настаивали члены Совета министров его правительства за провалы на фронте, а эшелон с золотом передать чехам. Охрана Колчака состояла из 500 вроде бы проверенных офицеров и солдат. Но за несколько дней она почти вся разбежалась. Рядом остались только 10 человек, самых преданных. В тот же день чехи выдали Колчака эсеровскому Политцентру. Эсеры не могли простить ему разгон их Временного правительства и последующие репрессии, а потому отдали Александра Васильевича большевикам. Каппель попытался прийти ему на помощь, но провалился с конем под лед на реке Кан и позже умер от воспаления легких. Оставшийся вместо него генерал Войцеховский с 5 тысячами бойцов попытался взять Иркутск. Но чехи заявили, что в случае штурма примут сторону большевиков, ведь те обещали им беспрепятственное продвижение на восток. В это время Войцеховский получил сообщение о расстреле Колчака. Это случилось 7 февраля 1920 года.

Профессор замолчал, словно пытался вникнуть в смысл сказанных им же слов.

Он продолжил после нескольких глотков слабо заваренного чая. Сказал, что в тот же день чехи передали большевикам 409 миллионов рублей золотом. Это была плата за выезд из страны через Владивосток.

– Но куда делось остальное? – Археолог театрально воздел руку к потолку, будто читал монолог Шекспира. – Известно, что Колчак потратил на закупку вооружений, содержание армии и тех же чехов 52 тонны золота. Значит... 505 минус 32, будет 473 тонны. Пусть чехи что-то украли. Так... 52 делим на... словом, это сотни миллионов рублей по тем временам. А сейчас... Итак, подводя промежуточный итог. Первое – часть золота, а именно несколько тонн, могли похитить белочехи, сопровождая ценный груз из Казани в Омск. Еще раз, возможно, они спрятали золото в уфимских пещерах, но вернуться за ним не смогли. Пещеры, как я уже говорил, нами проверены, ничего там не обнаружено. Второе. Нижнеудинск. От момента прибытия туда золотого эшелона и отъезда в Иркутск, прошло 2 недели. За это время часть ценностей, предвидя измену союзников, Колчак мог распорядится спрятать в местной пещере, о чем гласит не отправленная телеграмма, которую вы... хм прочитали. Спрятать могли и чехи, просто украв его из вагонов.

– Не отправленная телеграмма?

– Да. Ее черновик, написанный собственноручно Колча-

ком, зимой этого года нашли в планшете, в подвале одного из иркутских домов, сохранившихся с тех времен. Скорее всего планшет принадлежал ординарцу Александра Васильевича, который должен был передать телеграмму Деникину, но почему-то не сделал этого. Или все же передал? Однако Антон Иванович Деникин в своих воспоминаниях нигде не упоминает о том, что предложив ему пост Верховного правителя, Колчак сообщил ему о месте, где он спрятал часть золотого запаса. Значит...

– Ординарец специально не отправил телеграмму, – сказал многозначительно Феликс. – А золотишко присвоила себе некая гоп-компания.

Захар Захарович уставился на молодого человека, а потом рассмеялся:

– Мне нравится ваша мыслительная активность в этом направлении. Могло быть и так, однако все же надеюсь, что карта всё еще на месте. Отыскать ее в пещере, а там под Нижнеудинском их немало, будет, конечно, непросто.

– Как к вам попала эта телеграмма, профессор?

– Копию мне передал Борис Аркадьевич Березуцкий. Вы наверняка слышали об этом крупном бизнесмене, он вхож даже в Кремль. Говорит, купил у кого-то за огромные деньги.

В этот момент в прихожей раздался длинный, пронзительный звонок.

– Вероятно, социальный работник к Аделаиде Петровне, – сказал профессор, взглянув на часы. – Только почему-то так

рано.

Племянница олигарха

Через минуту в кабинет заглянула старуха:

– К вам какая-то неприличная девица, Захар. Так красятся только дамы легкого поведения.

Аделаида Петровна пожевала своим ярко накрашенным ртом, раздула ноздри плоского, как у утки носа. Отстранилась. Вернее, ее довольно грубо пододвинула в сторону миленькая девушка с большими, черно-виноградными глазами и маленьким пятнышком-родинкой у слегка вздернутого носика. Она была загорела и стройна. На лице, в обрамлении крашенных, но в меру каштановых волос с оливковым оттенком, самоуверенная, но не хамская улыбка. Девушка очень понравилась Феликсу. В ней была сладкая изюминка и горькая перчинка. Загадочное сочетание невинной девственности и сексуальной оторвы. Этот контраст в дамах сводил его с ума.

– Софья? – изумился археолог. – Вы?

– Я, конечно, Захар Захарович, – спокойно ответила миленькая девушка. Тяжело вздохнула, будто уже успела устать за это утро, опустилась в кресло напротив Феликса. Она его не замечала. Или делала вид. – Мы же на сегодня с вами договорились на передачу зачета по Скифской эпохе. Разве забыли?

– Да, но... Нет, разумеется, не забыл. Однако, не думал,

что придете так рано.

– А я запомнила на какой час мы условились. Ты тоже зачет пересдавать? – обратилась она к Феликсу и обвела оценивающим, цепким взглядом.

Бабочкин так был увлечен девушкой, что когда она к нему обратилась, растерялся.

– Я? Понимаете...

– Это новый член нашей археологической экспедиции, – представил парня профессор, – господин э...

– Бабочкин, – подсказал Феликс.

Девушка громко рассмеялась.

– Забавная фамилия. Бабочка крылышками бяк, бяк, бяк, ха-ха. Я Софья.

– Софья Федоровна Цветкова, – уточнил профессор. – Так же, кстати, звали официальную жену Колчака. Она уехала в 1919 году из Севастополя на чужбину. С адмиралам осталась Анна Тимирёва, пошла с ним под арест. Племянница э... Бориса Аркадьевича.

– Того самого, Березуцкого? – удивился Феликс.

– А что, нельзя? – спросила Софья, вскинув тонкие, подведенные синий тушью, брови.

– Я не это хотел сказать, я думал...

– Ты сначала думай, а потом спрашивай. Чего-то я тебя в институте никогда не видела.

– Я по объявлению, – ляпнул Бабочкин.

Софья опять расхохоталась.

– Наберут по объявлению, а потом не знают что с ними делать! Ха-ха.

– Я врач.

– Кто?

– Ну еще не совсем, закончил второй курс. Но могу сказать, что накануне вы принимали психоактивные вещества. Ваш утренний психомоторный синдром связан с дельта-9 тетрагидроканнабинолом. Попросту говоря, вчера вы курили посевную или сорную коноплю.

Девушка перестала смеяться, в ее виноградных глазах промелькнули злость и любопытство одновременно. Феликс же не был уверен в своих словах. Он брякнул это слету, в отместку, за то что девица смеялась над его фамилией и вообще над ним. Этого еще не хватало давать фору женщинам, которые тебе нравятся. Они всегда должны знать свое место, быть позади тебя.

– Это правда, Софья? – нахмурился профессор. – Мы, кажется, уже раз и навсегда закрыли в институте эту тему. Кто позволит себе снова...

– Кого вы слушаете, Захар Захарович! Наберут по объявлению... Ну я только разочек, – заныла Софья. – Я больше не буду. Честно. – На ее лице появилась детская непосредственность. Феликсу трудно было определить – настоящая или театральная.

– Я вынужден буду рассказать вашему дяде. И исключить вас из состава экспедиции.

– Ну это уж нет. – Цветкова сразу подобралась, преобразилась в хищную кошку.– Дядя финансирует экспедицию. Не будет меня, не будет ничего. К тому же, он передал вам секретную телеграмму Колчака. Куда вы теперь денетесь?

Профессор только развел руками, обессиленно опустил в рабочее кресло, задумчиво почесал лысину.

К нему подошла Софья, обняла за шею, поцеловала в щеку.

– Ну же, Захар Захарович, не сердитесь на меня. Я честно больше не буду курить анашу. Честно. Не говорите дяде. У него сердце слабое.

– Что с вами поделать, – вздохнул профессор.– Ладно, не расскажу. А вы, молодой человек, оказывается, великолепный диагност, хоть и начинающий. Сходу всё установили. Удивлен.

Девушка исподлобья взглянула на Феликса, мол, с тобой мы еще поговорим. Она в очередной раз поцеловала профессора и его лицо окончательно обмякло, стало добрым, как у Деда Мороза.

Сдавать зачет на скифской культуре девушке не пришлось. Профессор взял ее зачетку, пожевал губами, поставил на против своего предмета подпись. Захлопнул книжицу, протянул ее Софье:

– Только из уважения к дяде.

– Вы просто душечка, Захар Захарович.– Племянница олигарха захлопала в ладоши, снова собиралась его поцело-

вать, но он отстранился.

– Будет, побережем эмоции для экспедиции.

– Звучит обнадеживающе, ха-ха. Ну я пойду? Ты тоже? – спросила она Феликса.

Профессор быстро переписал паспорт Бабочкина и отпустил обоих молодых людей. В прихожей старуха проворчала из приоткрытой в ее комнату двери:

– Приходят, только всякую заразу разносят.

На улице Софья предложила зайти в ближайшую кафешку позавтракать. Феликс втянул голову в плечи. Предложение было заманчивым, но у него было денег только на дорогу, надеялся получить к вечеру наличные в выездной лаборатории. На его лице появилась такая кислая гримаса, что девушка опять расхохоталась. Она делала это так искренне и заразительно, что Феликса пробивало словно электричеством. Виноградные ее глаза застряли в самом сердце, забродили, вбрасывая в кровь головокружительный алкоголь. Такой «пьяной» девушки он никогда не встречал. Да, ее хотелось съесть как пирожное с ромом, но не сразу, а доставив себе наслаждение предвкушением. К тому же, как видно, характер София Федоровна имела своенравный и так просто съесть себя никому не даст.

– Ну, чего напрягся? – Цветкова по-приятельски подтолкнула Феликса в бок. – Денег нет? Ну да, если б они у тебя были, вряд ли бы ты потащился в Сибирь, раскапывать пещеры. Я угощаю, пойдем. Расслабься, потом отдашь, если смо-

жешь.

Она взяла Бабочкина под руку, потянула на противоположную сторону улицы, где в бывшей зеркальной мастерской находилось небольшое кафе, увитое с фасада хмелем и плющом. Заведение уже работало, на веранде сидели посетители.

– Я не только из-за денег согласился ехать, – сказал Бабочкин, когда сели в углу веранды под сочным плющом. – Мне интересно узнать...

– Про золото Колчака?

– Ну да. Не отправленная телеграмма адмирала, которая... которую я случайно увидел, возможно поможет найти карту в пещере. А потом...

– Суп с котом. Можешь поставить крест на своих золотых фантазиях.

– Почему?

– А потому что телеграмма ненастоящая. Это я ее сочинила, а потом попросила дядю передать ее Завирухину.

Феликс на это хотел что-то ответить, но слова застряли в горле, он закашлялся. Цветкова постучала его по спине:

– Ну-ну, ты мне еще живой понадобишься.

– Зачем? – наконец спросил Бабочкин, вытирая набежавшие от кашля слезы.

– У меня парень в Братске.

– Кто?

– Парень! Глухой что ль, доктор? Учится в Щепке, на лето

уехал к родителям. А как мне к нему попасть? В 230 километрах от Братска – Нижнеудинск. Там Колчак стоял 2 недели. А в прошлом году Завирухин искал его золото в Каповой пещере под Уфой. Ну официально, конечно, изучал рисунки древних людей, искал их бытовой хлам. Вот я и решила подбить Захара Захаровича на экспедицию в Нижнеудинск. В Братске-то искать нечего, кроме ржавой турбины гидроэлектростанции.

– Ты дура, что ль?! – не удержался Феликс. – Совсем с ума спятила, племянница олигарха! Человек горит идеей найти пропавший золотой запас России, помочь стране, а ты... Сейчас пойду и всё ему расскажу.

– Не кричи, – спокойно ответила Цветкова. – Люди оборачиваются. Ничего я не спятила. Дядя взял на себя все расходы на экспедицию, перевел большие деньги в чахнувший институт. Завирухин не золото, так еще что-нибудь интересное найдет в пещерах, статью научную напишет, студенты отдохнут, я со своим парнем встречусь. Всем хорошо, чего ты?

– Хм. Может быть. Лихо ты телеграмму подделала.

– Подумаешь. Я ведь на журфаке 2 курса отучилась, потом вот в археологический перевелась. На журфаке спиться и скуриться можно было. А археология мне нравится.

– Монетки, скребочки, – покривился Феликс.

– И это тоже. Но только про золото в нижнеудинских пещерах я не совсем придумала.

– Как это – не совсем?

– А так. Адмирал Колчак стоял там 2 недели? Стоял. Когда в Иркутске золото взвесили, не хватало 60 тонн по сравнению с тем, что было в Уфе. Это я в интернете статью нашла одного бывшего русского эмигранта в Чехии. Конечно, золото могли украсть сами чехи. Они потом неплохо содержали наших эмигрантов в Чехии. Спрашивается, почему? Но я не верю, что наши люди, зная, что золото может достаться иноземцам, не воспользовались случаем и не взяли хотя бы часть. Ну не верю. Конечно, Нижнеудинск вилами на воде писан. А вдруг!

«Вдруг» Цветкова произнесла так громко, что к столику сразу подбежал официант, который обслуживал пожилую пару. Софья заказала себе овсяную кашу, мороженое и кофе. Феликс, смущаясь, согласился лишь на чашку чая, но Цветкова сказала, что мужчина утром должен хорошо питаться и заказала ему котлету по-киевски с итальянскими спагетти, греческий салат и кофе с мясным пирожком.

– Я с тобой не расплачусь за этот олигархический завтрак, – сказал Феликс, которому расхотелось ехать на Полежаевскую, мерить давление старикам.

– Расплатишься, куда ты денешься, – ухмыльнулась Цветкова. – Ты рисовать умеешь? А то у меня с этим туго.

– В школе ходил в кружок. А зачем тебе?

– Как зачем! – воскликнула Софья, чуть не опрокинув себе на светлые джинсы кофе. На столе появилась лужица, которую она промокнула салфеткой. На помощь ей пришел

официант.

– Как зачем? – повторила она, когда тот удалился.– Не бросать же дело на полпути. Ты что же хочешь, чтобы профессор не нашел в пещере карты?

Феликс поглядел на девушку и еще больше укрепился в своей мысли – она же больная, причем на всю голову. Ему стало горько от этого, ведь когда девушка нравится, хочется продолжать с ней общение несмотря ни на какие ее «завихрения». А тут оказывается и не завихрения вовсе, а 100% клиника.

– Ну чего ты на меня тарачишься, как на обезьяну без хвоста? Не хочу расстраивать профессора, он такой душка.

– Послушай, Софья Федоровна, – перешел на официальный тон Феликс, – это у вас должна быть фамилия- Завирушка. Или Завирушка.

– Всё, выдохся мальчик, а такие надежды подавал. Мозги-то включи. Профессор мечтает найти золото Колчака, вот и пусть ищет. Он получит истинное удовольствие от поисков, разве это плохо? И потом, еще раз говорю- вполне возможно, часть золота действительно было спрятана в тех пещерах. А вдруг Захар Захарович его найдет? Вот будет прикольно.

– И все же разводить Деда Мороза нехорошо.

– Как ты его назвал? Ха, занятно, он действительно похож на Санта Клауса, когда не сердится.

– И как же ты собираешься подделать старинную карту? – спросил уже более миролюбиво, перейдя снова на «ты»,

спросил Бабочкин.— Что на ней думаешь изобразить?

— Вот это уже реплика по существу. Я детали продумала. Все будет на высшем уровне, я в этом деле мастер. Карта будет нанесена на страницу журнала «Нива» за 1915 год. У меня осталось от бабушки подшивка. Нарисуем схему обычными чернилами, потом немного подержим над огнем, чтобы они потемнели. Ни один специалист не отличит, гарантия!

— Ну ты и затейница. Только для этого не надо быть художником, сама справишься.

— Мозги-то включи! — повторила она, видимо, одну из любимых своих фраз.— Я своей рукой написала телеграмму Колчака Деникину. И тот же почерк будет на карте?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Феликс.— Ты же хочешь выдать ее за ту, что составил сам адмирал или его ординарец, якобы записавший черновик депеши.

Этот ответ смутил девушку. Она съела две ложки мороженого. Достала из сумочки тонкую сигарету, но, вероятно, вспомнила что теперь курить в подобных заведениях нельзя, положила её на стол.

— Да, ты прав. И все же я хочу, чтобы ты тоже поучаствовал в этом...

— В этой аванюре, — продолжил за Софью Феликс.

— Грубо. В этом... приключении. Ты мне понравился.

— Вот как.— Бабочкин не без удовольствия услышал эти слова.— А как же твой друг в Братске?

— В Братске? — переспросила Софья, словно впервые услы-

шала название этого города.— Ах, да. И что? Жизнь представлена человеку, чтобы он мог в ней выбирать лучшее.

— Какая же ты оторва, через слово- «я хочу». Первый раз такую встречаю.

— Твое счастье что встретил. Так что веди себя хорошо. Сейчас поедем ко мне.

Феликс сказал, что ехать к ней не может, так его ждут на Преображенке в выездной городской лаборатории, где он сможет заработать немного денег и вернуть ей долг за завтрак. При этом он брезгливо посмотрел на так и не тронутую им котлету по-киевски. Не лезла она ему в горло. Как и пирожок. Он лишь поковырял вилкой греческий салат и сделал пару глотков кофе.

— К черту Преображенку, к черту долг. Потом вернешь. Пойми, ничего случайного в жизни не происходит. Утром ты вышел из дома и увидел объявление, потом познакомился с профессором и со мной. Я тебе очень понравилась...

— Ну ты это...

— Понравилась, я по глазам вижу. И вообще, не спорь со мной. Это ведь не случайность, тебе открылась новая, интересная дорога судьбы. А ты сопротивляешься.

— Я не сопротивляюсь. Просто не хочу участвовать в обмане.

— У-у, не разочаровывай меня, Феля.

— Феля?

— Ты будешь Феля, я Софа. Феликс звучит как-то по-

большевистски, напоминает мне железного чекиста. Так что, едем? Решай. Или ты со мной, или с диабетическими старухами. А еще, я позвоню Завирухину и скажу ему, чтобы он тебя не брал в экспедицию, иначе мой дядя её отменит.

– Стерва.

– Да, я такая.

– Не отменит. Деньги уже в институте.

– Так ты едешь?

Вздохнув, Бабочкин набрал на мобильном своего приятеля Петю Одинцова, который ему и предложил вместе поработать в выездной медицинской лаборатории. Петя был очень недоволен тем, что Феликс отказался ехать на Преображенку, кричал, что он отправлял заявку на них обоих в Департамент здравоохранения и их теперь ждут именно вместе и с какими глазами он теперь заявится.

Разговор через динамик в телефоне слышала Софья. Она взяла мобильник из рук Бабочкина, спокойно сказала: «Не ори, Петя, сейчас приедем».

Со своего телефона, через приложение, она вызвала такси. Всё это Феликс наблюдал с полуоткрытым ртом. Сев в машину, он все еще не верил в то, что происходит. На такси он забыл когда и ездил. А Цветкова опустила голову ему на плечо и задремала. Она покалывала его щеки кучеряшками каштановых волос, посапывала так по-детски, так непосредственно, что Феликсу захотелось ее поцеловать. Что он и сделал, прикоснувшись губами, к ее шелковому, пахнуще-

му персиком, лбу.

До вечера они вместе работали в выездной лаборатории. Петя Одинцов только крутил головой и цокал языком: «Надо же какую ты себе деваху рукастую отхватил, Махаон, везет же дуракам». В мединституте Бабочкина за яркую внешность и в честь мифологического греческого врача, сына Аполлона, прозвали Махаоном.

Зоркий сокол

В кабинет Бориса Аркадьевича постучали, потом в дверь пролезла почти лысая голова его помощника Виктора Евстафьевича Голубя.

– Можно?

– Просил же, Витя, без церемоний.

Голубь ухмыльнулся. Его шеф, а в прошлом коллега по математической кафедре в Бауманке, только на словах не любил «церемоний». А стоило только Голубю по старой дружбе позволить себе что-нибудь простецкое – Березуцкий сразу ставил его на место – «ты, Витя, не забывай кто я, а кто ты. Я эту империю создал, без меня ты никто». Причем говорил это Борис Аркадьевич в глаза резко, не зло, с улыбкой, но у Голубя начинали дрожать коленки. А потом снова – «без церемоний».

– Вы просили подготовить справку по адмиралу Колчаку, его окружению и все что есть по золотому запасу царской России. Вот.

Голубь протянул шефу красную кожаную папку с большим двуглавым орлом, какие обычно используются в кремлевской администрации. Взяв папку, Березуцкий положил ее на стол, открывать не стал.

– Мне сейчас особо некогда бумажки просматривать, изложи, пожалуйста, мне суть.

Борис Аркадьевич не любил работать с текстами на компьютере, предпочитал как раньше, по старинке, читать их в бумажном виде. Он вообще не доверял компьютерной технике, которая то зависала, а то и вовсе ломалась в самый неподходящий момент. К тому же, как не уверяли его специалисты в надежной защите компьютерных сетей его фирмы, он считал, что нет такой техники, которую нельзя взломать. А к своим профессиональным и личным тайнам он относился очень трепетно. В них были посвящены только самые приближенные люди, в частности: помощник Виктор Голубь, начальник личной охраны Константин Козырь, главный бухгалтер Яков Фридман и еще пара человек.

Голубю он на днях рассказал об очередных «выкрутасх» своей племянницы Софьи, зачем-то составившей фальшивую телеграмму якобы от адмирала Колчака Главкому ВСЮР Деникину. В ней адмирал сообщает, что в Нижнеудинских пещерах находится карта, в которой указано где он спрятал часть ценностей из золотого запаса России.

– Для чего ей этот фарс, Боря... Борис Аркадьевич?

– Не знаю, Витя. Каждый развлекается в этой жизни как может. Она сказала, что некто профессор Завирухин из ее института в прошлом году уже искал золото Колчака под Уфой. Разумеется, ничего не нашел. Теперь у института на его развлечения денег больше нет. Но она хочет, чтобы экспедиция в этом году состоялась и именно в Нижнеудинский район. Попросила, чтобы я подбросил профессору ли-

повую телеграмму. Ну мол, мучающийся от безделья олигарх, купил на каком-то аукционе или еще где раздобыл черновик телеграммы, недавно найденный в одном из иркутских подвалов. Забавно, да? Не могу отказать любимой племяннице. У меня не получается с развлечениями, так пусть она развлечется от души, пока молода. Эх... Короче, устрой всё как надо. Переведи в институт немного денег. Миллиона долларов, думаю, хватит.

– Сколько?

– Не жадничай, Витя. Надо поддержать российскую науку. Ха-ха.

А через неделю, узнав, что деньги переведены и экспедиция в Нижнеудинск состоится в конце месяца, попросил помощника подобрать материалы по Золотому запасу России, по Колчак и его свите.

– Зацепила меня племянница этой темой. А вдруг она что-то знает и не случайно наострила туда экспедицию? А? Софья моей крови, просто так ничего не делает, только на вид взбалмошная и нелогичная.

И Голубь подготовил подробную справку, которая теперь лежала на столе шефа. Собравшись и откашлявшись он сообщил, что всего из Казани генерал Каппель отправил в Самару, а потом в Омск 505 тонн золота, плюс около 750 ящиков серебра и платины. Эшелон охранялся чехами. В Уфе вроде как пропало несколько тонн, но официальных подтверждений этому нет. Всего за время правления Колчака,

по данным Народного комиссариата финансов РСФСР золотой запас сократился на 182 тонны. Колчак на нужды армии истратил 52 тонны или 68 миллионов рублей. 98 тонн вывезено за рубеж в счет оплаты оружия, обмундирования Англии и Франции, 128 миллионов было размещено в зарубежных банках. Судьба этих денег неизвестна. Еще 32 тонны адмирал отправил в США, но этот эшелон в сентябре 1919 года захватил атаман Семёнов, куда это золото делось неизвестно.

– А Семёнов не мог его прикарманить? – спросил Борис Аркадьевич.

– Скорее всего нет, – ответил Голубь, беря папку с орлом со стола.– В октябре 1920 года Семёнов, под давлением Народно-революционной армии ДВР, бросив остатки своих войск, бежал на аэроплане из Читы в Харбин. Не на самолете же он увез 32 тонны золота?

– Мог прихватить только часть.

– Кто бы ему дал! Его армия была деморализована, каждый сам за себя. Без помощников ему было не обойтись, а он своих людей предал. К тому же из документов следует, что в мае 1921 года в Японии он требовал золото у посла Абрикосова. То, которое Колчак отправил на закупку вооружения, но застрявшее по каким-то причинам в японских банках.

– И что же Абрикосов?

– Показал ему кукиш. Семенову удалось раздобыть 338 тысяч иен, что было мало для осуществления его плана

возглавить войска Приамурского земского края. Во Владивостоке казаки, помня его бегство из Читы, даже не позволили ему сойти с парохода. Потом он жил в Монголии, Китае, но не особо богато, значит золота у него все же не было. Семёнова арестовали агенты НКВД в августе 1945 года на его вилле Дайрене. А через год повесили в Москве.

– Да, печальная история.– Березуцкий растегнул пуговицы на воротнике рубашки будто его горло сдавливала невидимая веревка.– Ну а остальные тонны куда делись?

– 314 тонн или 409 миллионов рублей чехи передали большевикам, чтобы те позволили им вернуться на родину. Интересно, что в некоторых ящиках из под золота оказались кирпичи. При перевозке ценностей большевиками из Иркутска обратно в Казань пропало 35 миллионов, несколько комиссаров, охранявших эшелон, пропали. Но еще в начале января 1920 года, до расстрела Колчака красными, в Нижнеудинске пропало еще 7,5 тонн. Эшелон с золотом, напомним, охраняли чехи.

– Значит, чехи украли, хм. Подожди, а при чем здесь тогда Нижнеудинск?

– А при том, что там эшелон Колчака простоял 2 недели. Адмирал опасался, что союзники могут просто забрать всё золото. Поэтому часть его, возможно, и спрятал в местных пещерах. На черный день так сказать. Так что ваша племянница не далека от истины. Но Колчак ошибся. Союзники заставили его сложить полномочия Верховного правите-

ля, а чехи выдали его красным.

– Та-ак, Софушка непременно что-то еще знает. Непременно. А что, золотой запас это только золотые, платиновые и серебряные слитки?

– Нет.– Голубь взял из папки другую бумажку.– Подробной описи нет, но в приблизительный перечень входят: 154 предмета из драгоценностей царской семьи-ожерелье царицы Александры Федоровны, отделанная бриллиантами шпага царевича Алексея, ордена, медали, монеты, 250 предметов церковной утвари, ордена Сибирского Временного правительства- «Освобождение Сибири», «Возрождение России», ну и так далее. Вся эта утварь вроде бы была отправлена в середине 1919 года в Тобольск, 722 ящика слитков и золотых монет в Читу, остальное осталось в эшелоне Колчака. Но документов, подтверждающих это, опять же. нет. На лето 1919 года в поезде находилось ценностей на 660 миллионов золотых рублей. Чехи передали 1-го марта 1920 года Иркутскому ревкому, напомним, 409 миллионов. Получается, всего исчез в этот период 251 миллион.

– И какой же вывод, Витя?

– А такой, Боря. Во время следования эшелона золото могло быть спрятано во многих местах. Возможно, по сговору с чехами, а может и без них. Не исключено, что часть действительно осела в Нижнеудинских пещерах и ваша племянница не случайно затеяла этот спектакль.

– Ну вот видишь, ты подтвердил мои слова. И что из этого

следует?

– Что, Борис Аркадьевич?

– А то, что ты отправляешься с экспедицией института в Нижнеудинск.

– Да, но...

– Без тебя никак нельзя, Витя. Ты теперь так много знаешь про золотой запас России, что тебе сам бог велел его найти. Ну хотя бы малую толику. Ну и последишь на за моей Софьей. Эх, молодежь, за ней глаз да глаз нужен. Будешь моим зорким соколом.

Березуцкий нажал несколько кнопок на айфоне и когда ответил профессор Завирухин, сказал ему, что нужно включить в археологическую группу еще одного человека- выдающегося математика, с детства мечтающего принять участие в подобной экспедиции. Возражений, разумеется, не последовало.

В Сибири

До поселка Порог от Братска, куда прилетели на самолете, добирались на комфортабельном автобусе с кондиционером, который арендовал еще из Москвы Виктор Евстафьевич. А потом двинулись пешком через настоящую тайгу до заимки Новые Плиты, где была заказана гостиница. Голубь, сидевший в автобусе с Софьей, что-то шептал ей на ушко. Мерзко при этом, по мнению Бабочкина, хихикал. Но больше всего злило Феликса то, что на смешки помощника олигарха порой подхихикивала Софья. Он собирался сесть в автобусе с ней, но Голубь пропихнул его своим огромным рюкзаком в конец салона, а сам плюхнулся рядом с Софьей, прижав ее к окну. Она шутливо постучала его кулачком по плечу и тогда Голубь подвинулся, облизав свои пухлые как у карася губы. В самолете Феликс и Софья сидели вместе, рассматривали в планшете две страницы «Нивы» от 1900 года, на одной из них нарисовали черными чернилами загадочный план нахождения «колчаковского тайника».

Они придумывали план дома у Софьи, хохотали, сталкивались лбами, сердились друг на друга, а потом она вдруг оказалась слишком близко от его губ. Феликс взял девушку за плечи, притянул к себе. Но Цветкова отстранилась, вскинула удивленно глаза:

– Ты что задумал, а? Ишь, какой пряткий. Еще раз попы-

таешься и...

– Что тогда?

– Ничего. Не нужно с самого начала портить отношения. Ты забыл, что у меня в Братске парень?

– Да пошел он. Тебе нужен какой-то актеришка?

– Не хами. И не лезь в мою душу, а то пожалеешь.

– Ладно, госпожа олигархша, – процедил сквозь губы Бабочкин.

– Ну не сердись, ты мне нравишься, но я еще ничего не решила.

Эти слова ободрили Феликса, он воспрянул духом и быстро забыл обидные слова.

– Ладно, давай продолжим.– вздохнул он.

И к вечеру они изобразили схему на картине Ж. Генделя «Интересная находка».

Дама на полу заинтересовано читает какое-то письмо. Перед ней и начертана схема: две пещеры, обозначенные буквами «Б.П» – Большая пещера и «М.П.» -Малая пещера. Именно из них состоит Нижнеудинский подземный комплекс. Внизу обозначена река Уда. Стрелка над пещерами указывает налево. Над стрелой – «С.2» – то есть, смотри страницу 2. и «Р.Г» На странице «2» внизу сразу бросается в глаза реклама Санкт-Петербургской «Российско-американской резиновой мануфактуры», призывающей покупать резиновые галоши.

«Р.Г.» над стрелкой должно означать – обрати внимание

на «резиновые галоши». Ну а далее всё просто. В треугольнике дата «1860». След галоши направлен вправо. Значит, от Большой пещеры, вдоль реки Уда, нужно двигаться на восток 1860 метров. Там и находится тайник.

Бумажные оригиналы двух страниц «Нивы» были свернуты трубочкой и засунуты в гильзу 37 миллиметрового снаряда траншейной пушки Розенберга образца 1915 года. Феликс купил гильзу на толкучке Измайловского рынка, где продают находки черные копатели. Продавец, предлагавший ржавые штыки и каски, заверил, что гильза найдена в Восточной Пруссии, продемонстрировав на ободке год выпуска 1915. Уточнять как она попала в столицу Бабочкин не стал. Она идеально подходила для реализации задуманного плана. Цветкова захлопала в ладоши от находчивости Феликса и даже чмокнула его в щечку.

В Братске друг Софьи ее не встретил. Она, как заметил Феликс, больше не расстроилась, а удивилась. Несколько раз пыталась ему дозвониться. «Что, пропал дружок?» – ехидно спросил Бабочкин. «Не твое дело, Феля», – резко ответила Цветкова. Отключила смартфон и словно забыла о своем «братском приятеле», на ее лице вновь появилась улыбка, от которой Феликс таял как маргарин на солнце.

Таял от Цветковой и Голубь. Когда вышли из автобуса в Пороге, Виктор Евстафьевич взвалил на плечи не только свои вещи, но и большой рюкзак Софьи. Феликс удивлялся как помощник олигарха умудряется держаться на своих тон-

ких, кривоватых ножках с такой тяжестью. Но Голубь, видно, был жилистым мужиком. Он не только уверенно «держал вес», но и быстро с ними передвигался по кочкам, канавам и зарослям нижнеудинской тайги. До заимки Новые Плиты путь был неблизкий, но Голубь ни разу не выказал усталости. Не зря Березуцкий его держит, подумал Бабочкин. Сам он нес четырехместную палатку и всю дорогу обливался потом, думал только об одном – как бы выдержать и не продемонстрировать слабинку, попросив о привале.

Однако у реки Мыкэт привал объявил сам Захар Захарович. Он, как и все, нес свой огромный рюкзак, увешанный молоточками, кирками, фонарями и «общественный груз» – кофр с продуктами и водой. Зачем здесь покупная вода? – удивлялся Феликс, когда ее кругом полно? Но знающие члены экспедиции ему объяснили, что у хорошего археолога всегда должен быть свой запас. Одна только Софья передвигалась налегке, постукивая прутиком по вековым деревьям и что-то напевая себе под нос.

Гостиница на заимке оказалась вполне приличной, в ней имелся даже бар. Она была заказана на месяц в качестве основного места дислокации.

В тот же день, немного передохнув, группа выдвинулась вдоль реки Уды и разбила временный, перевалочный, как объяснил Завирухин, лагерь на песчаном мысе, напротив горы Богатырь, где на высоте около 300 метров были видны входы в Большую и Малую пещеры. По очереди переправи-

лись на двух резиновых лодках на другой берег.

Подниматься к пещерам пришлось по крутому склону, по еле заметной тропинке почти час. Первым шел штатный проводник из заимки Василий Курочкин, за ним Завирухин, далее след в след Голубь, подгоняя и подбадривая отстающих студентов. Несколько раз он предлагал (конечно, с мерзкой улыбкой) руку Софье и Феликсу от ревности хотелось стукнуть его по голове камнем. Но его сдерживало то, что Цветкова теперь почти всегда была рядом с ним.

Вход в Большую пещеру из темно-серого известняка оказался овальной дырой размером не больше метра. Слева и справа он был исписан автографами тщеславных туристов.

От входа вглубь вел 1, 5 метровый коридор, тоже исписанный всякими именами и датами. Длину он имел около ста метров. Дальше находился мрачный подземный зал, раздвоенный глыбами известняка. Каменный мешок имел размеры, как пояснил проводник Вася, 160 на 16 метров, высота разная, иногда до потолка не достает свет фонаря. Повсюду фантастические столбы сталактитов и сталагмитов, которые Феликс видел воочию впервые, отчего испытывал жуткий восторг. На время он даже забыл о Софье и когда обнаружил ее рядом с Голубем, тут же бросился к ней. Споткнулся и набил себе шишку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.